

Оглавление

- Годаева Е. Ю. Функции парцелляции в современной газетной публицистике
- Головкин Н. В. Опыт разработки алгоритма формальной идентификации функционально-стилевой принадлежности русскоязычных текстов
- Дмитриева Л.О. Типология международных искусственных языков
- Емельянова С. В. Время как философская и лингвистическая категория
- Заботина О.Н. Вопросы культурной идентичности (на примере фламандского региона)
- Заец Д. Ю. К проблеме смены парадигм в языкознании
- Ковалева А.О. Риторическая аргументация как логико-семантическая проблема
- Козлова А.М. Китайская традиция публичной речи
- Короткова А. В. Об образовании сложных синтаксических целых с посессивным значением в русском и английском языках
- Попова О. В. Вопрос о дифференциальных признаках смычных согласных в хеттском языке
- Сергеева О.М. В защиту индоевропейского *b
- Соловьева А.А. Сопоставление использования хинди и английской лексики в индийском речевом этикете (на материале фильма ««Taare zameen par»»)
- Сорова И. Н. О моделях фоностилем якутской разговорной речи
- Сулопарова Г.Д. Лингвистические утопии в творчестве русских футуристов начала XX века
- Темирболатова А. И. Из истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1927-1937) (по материалам редкого архивного фонда 1260 Ставропольского государственного краевого архива и отдела редкой книги Ставропольс
- Хакимова А. Р. Метафорическое моделирование президентских выборов в США

Функции парцелляции в современной газетной публицистике

Годаева Елена Юрьевна

Аспирантка Карельской государственной педагогической академии, Петрозаводск, Россия

Среди факторов эффективного воздействия на читателя газетной публицистики исследователями рассматривается не только выбор жизненных ситуаций, рациональная аргументация своей точки зрения и оценка событий, но и широкое использование экспрессивных языковых средств [Кормилицына: 16]. Поскольку построение речи определяется прежде всего интонационно-синтаксическим рисунком фразы, именно синтаксические средства, выражающие общую функциональность речи и стилистическую значимость ее составляющих, призваны стать основой для наблюдений над манерой использования языка в любом тексте, жанре, стиле.

Характерную экспрессию приносят в публицистический текст синтаксические конструкции, имитирующие разговорную речь. Они рассчитаны на слуховое восприятие, поэтому наиболее значимые компоненты выделяются не только структурно, но и интонационно. К экспрессивным синтаксическим средствам относят сегментацию, парцелляцию, усеченные конструкции и некоторые другие.

Парцелляция – один из наиболее эффективных способов членения предложения, повышающий субъективную информативность текста. В течение полувека явление парцелляции исследовалось в разных аспектах (прежде всего в структурном и функциональном), осуществлялись попытки классификации конструкций с парцелляцией, изучалось жанрово-стилистическое функционирование парцелляции.

Основной и обязательной функцией парцелляции исследователями признается *создание нового рематического центра высказывания* [Сковородников:157]. Парцелляция превращает так называемое «новое» в центр высказывания, «в его коммуникативное ядро» [Там же:143]. В парцелляте актуализируется речевой замысел автора, публицист выносит в «отчлененную» часть высказывания главное – то, на что хочет обратить внимание адресата.

Парцелляцию закономерно относят к средствам экспрессивного синтаксиса, потому что одной из основных ее функций является *«функция экспрессивного выделения той или иной части высказывания»* [Иванчикова: 286].

Таким образом, исследователи выделяют две обязательные функции парцелляции. Однако в языке современной газеты парцелляция выполняет и другие, факультативные, функции. Многообразие дополнительных функций этой экспрессивной конструкции, на наш взгляд, исследовано недостаточно.

Среди таких функций нужно отметить *функцию уточнения*, на которую обратила внимание Е.А. Иванчикова. Парцеллят в при этом позволяет детализировать содержание, названное в базовой структуре высказывания, тем самым повышается информативность текста. В современной прессе уточнение при парцелляции широко распространено, вводится разными способами: с помощью союзов (точнее, а именно и др.); бессоюзно; реже парцеллят представляет собой местоименно-соотносительную конструкцию.

Проблема членения высказывания тесно связана с проблемой психологического состояния говорящего индивида. В организации синтаксических конструкций разговорного характера, к числу которых относится и парцелляция, принимает участие широкий спектр эмоциональных состояний. Поэтому одной из основных функций парцелляции можно назвать *функцию эмоционального выделения*.

В современной публицистике воздействие на адресата оказывается не только с помощью эмоциональности повествования, но и доказательностью, рациональностью аргументации. Одной из функций парцелляции является *логическая или аргументативная функция*. Авторы выносят в парцеллят либо аргументы для доказательства своей мысли, либо делают вывод, таким образом усиливая убеждающее начало публицистического текста.

Показателем лингвокреативности современного журналиста является умелое использование языковой игры, т. е. «определенного типа речевого поведения говорящих, основанного на преднамеренном <...> нарушении системных отношений языка <...> с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деконструкции экспрессивное значение...» [Данилевская: 657]. В создании языковой игры активно участвует и прием парцелляции, при котором читательская мысль активизируется через использование ассоциаций.

Одной из функций парцелляции можно назвать *изобразительную*. В публицистическом тексте парцелляция помогает усилить стилистический эффект используемых автором тропов. Наиболее часто членение высказывания подчеркивает противопоставление, сравнение и метафору.

Взаимодействуя с тропами и фигурами речи, а также с другими средствами экспрессивного синтаксиса, парцелляция участвует в стилистической конвергенции, то есть усилении стилистического эффекта высказывания.

Иногда публицисты применяют в парцелляте дополнительные средства экспрессивизации его содержания: активно используют выразительные возможности пунктуационных знаков, а также графические выделения.

Коммуникативные возможности парцеллированных конструкций соответствуют основным функциям современной публицистики, прежде всего, функции усиленного эмоционального воздействия на массового читателя и вместе с тем информативности содержания и доступности его изложения. Это объясняется богатыми потенциальными возможностями парцеллированных конструкций в плане выражения целого спектра эмоциональных состояний.

Литература

Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006. С.657–660.

Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С.277–301.

Кормилицына М.А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста // Проблемы речевой коммуникации. Вып.5. Саратов, 2005. С.16–25.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.

Опыт разработки алгоритма формальной идентификации функционально-стилевой принадлежности русскоязычных текстов

Головко Николай Вячеславович

Аспирант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к методам и приемам формальной идентификации тех или иных характеристик текстов на естественных языках. Это обуславливает потребность в разработке новых и совершенствовании существующих систем формального анализа качественных параметров текстов. Известен ряд исследований, посвященных вопросам определения такой качественной характеристики текста, как функциональный стиль (ФС); по мнению П.И. Браславского, существует возможность определения научных текстов с помощью формальных языковых параметров: средняя длина слова (СДС), доля именных частей речи, количество личных местоимений и др. [Браславский: 1], т. е. предлагается определять качественный параметр текста (ФС) посредством анализа его количественных характеристик. Мы считаем возможным утверждать, что релевантность идентификации может быть достижима при исследовании не только количественных, но и качественных характеристик текста; в частности, существует возможность формального анализа степени полисемантической текста, рассматриваемой как один из показателей его принадлежности к определенному

стилю речи; комплексное исследование средней длины слова и степени полисемантической лексики текста может быть достаточным для идентификации ФС.

Необходимо заметить, что индивидуальная степень полисемантической слова не оптимальна как параметр для обработки текстов. Соответственно, необходим оптимизированный алгоритм, позволяющий одновременно сохранить относительную надежность идентификации и минимизировать требуемый объем базы данных. Одним из изученных нами ранее показателей [Головкин: 74] является т. н. локальный коэффициент степени полисемантизации (ЛКСП), характеризующий массовую долю многозначных слов в пределах одной словарной группы. ЛКСП претерпевает существенные изменения в зависимости от словарной группы: диапазон значений составляет от 0,1667 (~17%) для буквы Й до 0,3659 (~37%) для буквы Щ (т. е. Δ ЛКСП ~20%). Соответственно, в русском языке существуют сильно полисемантизированные (СП) словарные группы (более 30%), слабо полисемантизированные (СлП) (менее 21%) и словарные группы среднего уровня полисемантизации (от 22 до 29%). К СП могут быть отнесены группы Щ, Я, З и ЕЕ, к СлП – Ч, М, А, Э, Й, к средне полисемантизированным – все прочие словарные группы. Возможно, что процедура индивидуального определения степени полисемантизованности может быть с некоторой погрешностью заменена процедурой определения преобладающих в тексте словарных групп. Соответственно, необходимо изучить СДС и относительную степень полисемантизованности для текстов различных ФС, а также исследовать возможность применения тех или иных показателей в целях идентификации стилевой принадлежности текста. Нами были взяты 4 текста приблизительно равной длины, относящихся к каждому из книжных стилей речи, и проведены расчеты СДС и относительного уровня полисемантизованности. Получены следующие результаты:

1) Художественный и публицистический тексты характеризуются относительно низким показателем СДС (от 5 до 6 знаков), в то время как научный и официально-деловой тексты имеют относительно высокие показатели СДС – от 6 до 7 знаков;

2) Соотношения между массовыми долями СП- и СлП-групп, а также между количеством слов, принадлежащих к ним, существенно различаются для текстов научного и художественного стиля. В то время как доли СлП и СП для художественного стиля различны на 1,9 %, для научного стиля разница составляет 7,53%; отношение СП/СлП составляет 0,74 против 0,32 соответственно.

В то же время полученные нами данные не позволяют говорить об уверенном детектировании публицистического и официально-делового стилей. Для уверенной идентификации может быть необходим детализированный алгоритм. Представляется допустимой попытка выделения наиболее достоверных идентификаторов стилевой отнесенности; устойчивые закономерности для массовых долей в различных стилях речи демонстрируют словарные группы «ЕЕ», «Щ» и «Я». Для этих групп массовые доли в художественном и публицистическом, как и в научном и официально-деловом текстах, с одной стороны, сопоставимы, а с другой стороны, явным образом отличаются от противоположной пары стилей. Соответственно, в случае существования неопределенности основной алгоритм детектирования может быть дополнен вспомогательным алгоритмом вычисления суммарной массовой доли словарных групп «ЕЕ», «Щ» и «Я». Пороговым значением является уровень в 3%.

Суммируя данные, полученные в настоящем исследовании, мы можем сделать следующие выводы:

1. Сочетание вычисления средней длины слова и определения отношений между количеством слов, относимых к СП и СлП-группам, может быть применено для отделения художественных и публицистических русскоязычных текстов от научных и официально-деловых;

2. В общем случае, если средняя длина слова исследуемого текста не превышает 6 знаков, а отношение СП/СлП составляет не менее 0,5, заданный текст может быть

классифицирован как относящийся к художественному или публицистическому ФС, в противном случае – к научному или официально-деловому ФС;

3. Если критерии противоречат друг другу (т. е., к примеру, СДС превышает 6 знаков, но СП/СлП > 0,5), может быть применен алгоритм верификации по достоверным словарным группам. Если суммарная массовая доля слов, относимых к словарным группам «ЕЕ», «Щ», «Я», превышает 3%, исследуемый текст может быть классифицирован как относящийся к художественному или публицистическому ФС; в противном случае – к научному или официально-деловому ФС.

Литература

Браславский П.И. Пути повышения эффективности поиска научной информации в Internet: http://www.nsc.ru/ws/show_abstract.dhtml?ru+2+44.

Головко Н.В. Логико-квантитативный аспект теории фиксирования типов языковой информации // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 3. С. 72–79.

Типология международных искусственных языков

Дмитриева Лариса Олеговна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В настоящем сообщении речь пойдет о тех искусственных языках, которые используются в человеческом общении (обычно они предназначаются для международного общения). Искусственные языки бывают двух типов: априорные и апостериорные. Априорные языки строятся по собственным законам, не используя материал естественных языков: они представляют собой классификационные системы, сконструированные для того чтобы передать всю сумму человеческих знаний. Примером может послужить язык британского философа и лингвиста Джона Уилкинса, созданный при лондонском Королевском обществе в 1668 г. В этом языке все понятия подразделяются на 40 родовых классов, каждый из которых обозначен сочетанием «согласный + гласный» (согласные пишутся латинскими буквами, а гласные - латинскими и греческими), например *Da* - Бог, *Da* - мир (вселенная), *Ga Ga Ge Gi Go* - пять родов растений (листья, цветы, фрукты, кустарники, деревья), *Za Za Ze Zi* - четыре рода животных (бескровные, рыбы, птицы, звери) и т. п. Каждый класс делится на подклассы, а те, в свою очередь, на виды. Так, из *De* - элемент получаем подклассы *Deb* - огонь, *Ded* - воздух, и т. д. Как видно, такие классификационные языки практически невозможны для практического употребления, так как они содержат в себе большое количество похожих единиц, которые нужно суметь запомнить и не спутать.

Апостериорные же языки, напротив, строятся по образцу естественных языков. Обычно образцом для них служит латинский язык или его потомки – романские языки. При этом вместе с латинским лексическим материалом, заимствуется и его система словопроизводства, а именно присущая латинскому языку двухосновность, то есть варьирование производящей основы. Так, существительные в латинском языке имели две основы: основу именительного падежа и основу косвенных падежей: существительные в именительном падеже имели следующую форму: *ars* «искусство», *flor* «цветок», а в косвенных падежах их основа менялась, и сохранялась во всех остальных косвенных падежах *art-is*, *art-i*, *art-em* и т. д. К искусственным языкам, заимствующим из источника правила словопроизводства принадлежит искусственный язык латино-сине-флексионе (1903), автором которого является итальянский математик Джузеппе Пеано. В этом языке устраняется латинская флексия, но полностью сохраняется деривационная система латинского языка. С отпадением падежных окончаний устранилась и система словоизменения у существительных, например, *homo* «человек» остается без изменений. Но сохраняется варьирование основы при словопроизводстве у глагола, например, *move* «двигать» и *motio* «движение». Подобные языки принято относить к натуралистическому

типу: они следуют модели языка-источника и сохраняют варьирование основы в словопроизводстве.

Но есть языки, которые по лексическому материалу апостериорны, а по структуре априорны: заимствуется исходная основа из европейских языков, которая сохраняется во всех производных и не меняется, затем на нее нанизываются определенные аффиксы. В данном случае, правила словообразования устанавливаются самим автором. Такие языки относятся к автономному типу, и к их числу принадлежит эсперанто (1887). Искусственные языки автономного типа строятся по образцу агглютинативных языков, в которых аффиксы прибавляются к неизменяемой основе. Например, если в турецком языке взять основу *ev* «дом», прибавить к ней аффикс множественного числа *-ler*, аффикс принадлежности *-in* и аффикс местного падежа (локатива) *-de*, то получается четкое следование морфем друг за другом *ev-ler-in-de* «в их домах». Ни в основе, ни в аффиксах изменений не происходит. Аналогичным образом строятся слова в эсперанто: *mal-jun-ul-in-o* «старуха», где *mal-* - префикс, означающий прямую противоположность по смыслу, и, добавляясь к неизменяемой основе *jun* «молодой», образует противоположное значение «старый», далее идет аффикс женского рода *-in* и окончание существительного *-o*. Внешне такая структура слова соответствует структуре слов в агглютинативных языках.

Однако, в эсперанто есть еще и внутренняя грамматическая система. В своей первой книге, создатель эсперанто Людвиг Маркович Заменгоф пишет, что «различные грамматические формы, взаимные отношения между словами выражаются сочетанием неизменяемых слов. То, что изучающий язык называет окончанием или суффиксом, есть на самом деле вполне самостоятельное слово, которое всегда сохраняет одно и то же значение». В приведенном выше примере *mal-jun-ul-in-o*, происходит соединение не корней внутри слова, а слов друг с другом. Вышеприведенные элементы в слове функционируют и как аффиксы, и как отдельные слова с определенным значением, например, можно сказать *ino* «существо женского пола» или *malo* «противоположность». А там, где морфемы - отдельные слова, и нет ни флексий, ни аффиксов, то мы уже имеем дело с моделью изолирующих языков. Из этого следует, что в эсперанто существует еще и внутренняя, скрытая система, восходящая к идеалу международного языка, о котором писал еще Лейбниц. Для него идеал языка - древнекитайский язык, где основы не изменяются. Основной принцип модели древнекитайского языка заключается в том, что словообразование осуществляется на синтаксическом уровне за счет соединения слов, а не частей слова, и эсперанто по своей внутренней структуре, основывается на этой модели.

Из вышесказанного следует вывод, что в эсперанто предпринята попытка соединить в себе три модели: модель европейских флективных языков, откуда берется лексический материал, модель построения агглютинативных языков и, с учетом внутренней структуры, модель языков изолирующих.

Литература

Заменгоф Л. Л. Д-р Эсперанто. Международный язык: Предисловие и полный учебник. *Por rusoj*. Варшава, 1887.

Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.

Время как философская и лингвистическая категория

Емельянова Светлана Владимировна

Студентка Пермского Государственного Университета, Пермь, Россия

Рассматривая и анализируя специфику времени и его восприятия, мы сталкиваемся с философией.

Время является одной из центральных философских категорий, которая неразрывно связана с пространством. Посредством этих категорий обозначаются формы бытия вещей и явлений реальной действительности, отражающие их сосуществование в пространстве и процессы смены явлений друг с другом во времени, продолжительность их сосуществования.

Для философов время – это формальная категория, которая для всех людей представлена в равной мере. Эрнст Кассирер «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры»: «Пространство и время — структура, в которую вмещается вся реальность. Вне условий пространства и времени мы не можем познать ни один реальный предмет. Ничто в мире, не может превысить своей меры, а мера эта — пространственные и временные ограничения» [www.koob.ru].

М.М. Маковский в сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках выделяет мифологическое время (Хронос) и эмпирическое время и обозначает языковые соответствия времени со следующими понятиями: «вселенная», «высокий», «земля», «круг», «середина», «жизнь-смерть», «число» (символ вечности), «мед», «период года», «святой», «душа», «дерево», «чудо-колдовство», «светлый - темный», «звезды», «говорить», «металл», «волос» и «пространство» и др. [Маковский: 416]. Такое многообразие понятий говорит о том, что каждая культура интерпретирует и понимает время согласно своему языку.

Развитие понятия времени на всем историческом этапе: «Первоначально понятие времени рассматривалось в рамках мифопоэтической и религиозно-мифологической картины мира. В античную эпоху время становится предметом натурфилософского умозрения (Гераклит, Демокрит, Аристотель). На этом этапе возникают два противоположных подхода к пониманию времени: субстанциональный, или субстантивистский и реляционный» [НФС: 154]

«В средние века внимание оказалось сосредоточенным в основном на связи понятия времени с теологическими проблемами, главным образом с проблемой сотворения мира. В конце XVII – начале XVIII века одним из основных движущих факторов анализа понятия времени становится теоретическое естествознание, поскольку именно в основные уравнения физических теорий время входит как фундаментальный параметр, характеризующий любые процессы и явления мира. Развитие естествознания в начале 20 века привлекло к открытию фундаментальной связи между пространством и временем (специальная теория относительности - СТО). [Важнейшими результатами] СТО в аспекте понимания времени явилось, [во-первых], существенное изменение классического представления об абсолютной одновременности событий [и, во-вторых], «обсуждение проблемы нравственности времени, проистекающей из фундаментальной необратимости явлений, фиксируемой вторым законом термодинамики». «Переход к рассмотрению единого пространства – времени в СТО не означает полного растворения времени в пространстве. В СТО сохраняется некий особый статус времени и, в частности, такие важные понятия, как прошлое, настоящее и будущее». [Там же: 154] Следовательно, в настоящий период, время неотделимо от пространства, и эти два понятия принято, чаще всего, рассматривать вместе.

Исследуя отражение восприятия времени в языке народа, следует определить понятие «время» с лингвистической точки зрения. Языковым отражением объективного времени в Германии (а также и в других странах) является грамматическая категория глагола – время глагольное, «служащая для темпоральной локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является дейктической, т.е. соотносенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* «здесь и теперь». Оно заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или – в случае т. наз. относительной временной ориентации – какой-то другой точке отсчета». [ЛЭС: 89] Употребление времен в немецком языке напрямую зависит от ситуации, собеседников, а также вида речи – устный, письменный.

В современном немецком языке существует абсолютное и относительное употребление времен. «Относительные» времена ориентируют событие по отношению к какой-либо точке отсчета, «локализуемой, в свою очередь, относительно момента речи. Сюда относятся времена «предпрошества» — предпрошедшее (Плюсquamперфект),

предбудущее (Futurum II в немецком языке) и Перфект, впрочем, занимающий в системе относительных времен особое место; «времена следования», например, будущее в прошедшем и времена, совмещающие следование и предшествование». Именно наличие в немецкой языковой системе относительных времен, существенным образом отличает немецкий язык от русского». [ЛЭС: 89] Наряду с Перфектом и Плюсquamперфектом, в немецком языке используется Имперфект, для обозначения простого прошедшего времени. Но «в устной речи [немцы] очень редко употребляют прошедшее время Имперфект. Если оно и используется, то в основном с модальными или вспомогательными глаголами. Из некоторых южно-немецких диалектов прошедшее время Имперфект уже полностью исчезло» [Sick: 30]

Структура функционально-семантического поля времени и сама грамматическая категория времени в разных языках существенным образом влияет на времевосприятие, что в свою очередь находит отражение во фразеологических единицах, художественных текстах и устной речи.

Литература:

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева, М., 1990.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Новейший философский словарь: 3-е изд. М., 2003.

Sick, B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 2., Köln, 2005.

Вопросы культурной идентичности (на примере фламандского региона)

Заботина Ольга Николаевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Проблематикой идентичности занимаются исследователи многих социально-гуманитарных наук. Для филологии эта тема является новой и сравнительно мало изученной. Несмотря на то, что сам термин «идентичность» восходит к области психологии, это понятие оказывается чрезвычайно важным и для других гуманитарных наук. Идентичность как сложная психическая реальность включает различные уровни сознания: индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические, этнические, гендерно-ролевые и т.д. [Идентичность: хрестоматия: 4] Для нас основным будет понятие культурной идентичности – единство группы людей, объединенных общезначимыми ценностями, культурным наследием, образцом поведенческих и культурных норм, общим языком [Britannica.com].

Исходя из того, что культурная идентичность является результатом «приписывания» обществом себе неких единых для всего сообщества установок, норм и ценностей, современные исследователи (Э. Хобсбаум, Б. Андерсон) определяют это явление как «воображаемое сообщество». Для «воображаемого сообщества» характерно самоопределение на основе разделяемого культурного и исторического континуума. Конструируя свое прошлое и настоящее, сообщество нуждается в таких средствах самовыражения и самоопределения, которые были бы универсальными и понятными для всех его членов, именно поэтому общий язык и единые коммуникативные средства являются необходимым условием для формирования культурной идентичности. В связи с этим выстраивание сообществом «своего Я» можно назвать нарративным процессом, заключающимся в создании различных текстов (понимаемых в широком смысле слова), отсылающих к общему культурному и историческому наследию. Такого рода тексты суть не что иное, как своего рода мифы, служащие для создания и поддержания определенного представления группового единства сообщества [Lowenthal: 11]. Исследование подобных мифов может привести к интересным выводам о влиянии языкового употребления и языковых фактов на формирование социальных процессов.

Обращаясь к вопросу культурной идентичности, мы должны отметить, что осознание собственной идентичности появляется именно в период конфронтации с другими идентичностями, и никогда не является само собой разумеющимся [Барт: 16–17]. Мы можем наблюдать этот процесс на примере региона Фландрия, который после возникновения государства Бельгия в 1830 г. начинает активно выработать собственную культурную позицию по отношению к соседнему региону страны – Валлонии. Главное отличие этих двух регионов – языковое: во Фландрии бытует нидерландский язык, в Валлонии – французский. Однако за языковым несоответствием стоит немало и культурных факторов: различное историческое прошлое, литературное наследие, разные нормы, ценности, обычаи. Так, культурная идентичность одного сообщества, сталкиваясь с другим, пытается найти яркое самовыражение путем провозглашения собственной культурной, исторической уникальности. Ярким образцом такого выражения своей самобытности для Фландрии стало произведение фламандского писателя Хендрика Консьянса «Лев Фландрии», в котором автор обращается к историческому событию 1302 г. («Битва золотых шпор»), когда небольшое войско Фландрии победило французскую армию. Это романтическое обращение к прошлому, поэтизация былого величия послужили стимулом к формированию осознания своей собственной культурной идентичности для фламандцев. И хотя в последнее время проводилось немало попыток демифологизации произведения Консьянса, выдвигались заявления об исторической несостоятельности описанных в нем событий, его роль в формировании самоопределения фламандского сообщества остается по-прежнему велика.

Помимо литературного выражения культурной идентичности существует и менее очевидное, но, тем не менее, постоянно присутствующее ее проявление в языке. Основываясь на гипотезе Сепира – Уорфа о взаимообусловленности языка, мышления, способа познания реальности и культуры, мы можем на примере фламандского региона констатировать, что «язык Фландрии», несмотря на значительное грамматическое и лексическое соответствие стандартному нидерландскому языку, не является ему эквивалентным. Помимо специфических слов, отражающих бельгийские реалии (например, *licentiaat*, *regent*, *bedrijfsvoorheffing*, *remgeld*, *rekenhof*), в сознании носителей языка, распространенном на территории Фландрии, существует свой набор стереотипов, ассоциаций, образов, представлений, идиоматических выражений, закрепленных почти за каждым словом или сочетанием слов. Нидерландский язык жителей фламандского региона оказывается, тем самым, культурно детерминированным и отражает ментальность, специфичную именно для этого региона.

Таким образом, нам представляется интересным исследование способов самоидентификации культурного сообщества на лингвистическом уровне. Специфика фламандского региона заключается в том, что по сравнению с другими европейскими сообществами, он довольно поздно начал развиваться в плане культурного самоопределения, а также выявления своего места среди других сообществ. В то время как многие национальности вступили на постнациональный уровень (преодоление национальных границ, объединение в более крупные сообщества), во Фландрии еще происходят процессы поиска культурной самоидентификации и определения своей роли в европейском и мировом пространствах. Тем самым на примере фламандского сообщества становится возможным выявление новых нарративных способов выражения региональной культурной идентичности в эпоху глобализационных процессов.

Литература

Идентичность: Хрестоматия/ Сост. Л.Б. Шнейдер. М.; Воронеж, 2003.

Lowenthal D. Fabricating heritage // History & Memory. Vol. 10, 1. 1998, P. 5–18.

Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М., 2006.

Britannica.com: <http://www.britannica.com>

К проблеме смены парадигм в языкознании

Заец Дарья Юрьевна

Аспирантка Калужского государственного педагогического университета им.

К.Э. Циолковского, Россия, Калуга

В истории языкознания нередко предпринимались попытки выделить основные черты для большинства научных школ. Применение термина парадигма значительно облегчает данное исследование.

Очевидно, что наиболее разработанной теорией в этом направлении является теория Т. Куна. В ней утверждается, что смена одной парадигмы другой предполагает отказ и отрицание предшествующих достижений. Подобная поставка проблемы вызвала многочисленные споры. И. П. Сусов отмечает, что «смена лидера в науке не всегда означает смены научных парадигм, предполагающей революционную ломку взглядов и всеобщую переориентацию исследований на новые принципы...» [Сусов 1999: 99]. Тем самым подчеркивается невозможность употребление понятия отрицания, «как ухода от старого, вчерашнего, отжившего во внешнем мире» [Зайцев: 112].

Важнейшей характеристикой современной лингвистики на данном этапе ее развития выступает ее многоликость. Это позволяет утверждать, что «мы имеем не монолитную лингвистику, а разнообразие теорий более частного порядка, основанных на различных сферах данных, на различных философских позициях и обладающих разными конечными целями» [Демьянков: 13]. В подобном разнообразии можно выделить общие тенденции. Для гуманитарных наук характерным является «полипарадигматизм, т. е. такой прогресс знания, который обеспечивается анализом объекта сразу же по разным направлениям, в разных парадигмах знаний» [Кубрякова: 4].

История лингвистики богата различными направлениями. Это обусловлено следующими факторами: познающий субъект постоянно стремится расширить и разнообразить предмет своего изучения для наиболее полной и объективной характеристики интересующего его объекта; объект может претерпевать определенные изменения; желание проникнуть в глубь объекта исследования видоизменяет предметный ракурс и требует новых познавательных возможностей.

Все это определяет достаточно быстрое возникновение новых парадигм в лингвистике. Однако это совсем не предполагает смену парадигм или полный отказ от уже существующих. Как нам кажется, в данной связи уместно употреблять термин «снятие», предложенный А.К. Зайцевым в его работе «Философия ведической цивилизации». «Снятие означает переход мысли от одной парадигмы к другой, более совершенной, целостной и всеобъемлющей» [Зайцев: 112]. Так и в языкознании осуществлялся не резкий переход от одной парадигмы к другой, а переход от узкого предмета изучения к более углубленному. В языкознании происходит «смена акцентов в воззрениях на языковой феномен, на первый план выдвигаются то эволюционная, то организационная, то функциональная стороны этого феномена. Устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, изучающими эти стороны языковой действительности» [Сусов 1985: 12]. Термин «снятие» не подразумевает полного отрицания какой-либо из парадигм, что свойственно языкознанию. Он подчеркивает переход от одного приоритетного направления к другому.

Для лингвистики характерна преемственность и отсутствие резких разрывов. Парадигмы в языкознании определяются не обнаружением принципиально новой реальности, а «в лингвистике «новой реальностью» становится как раз новая интерпретация фактов!» [Кубрякова: 8]. Всякая новая парадигма не отменяет предыдущую, а, активно используя ее достижения, заставляет обратить внимание на те аспекты языка, которые в старой парадигме почти не исследовались. Например, в рамках структурной парадигмы изучению подвергалась внутренняя структура языка, ее уровневая организация и имманентная сущность языка. Антропоцентрическая парадигма активно

использует полученные здесь достижения, но показывает ограниченность данного подхода, а основное внимание обращает на человека в языке и на язык в человеке (языковую личность). Структурная парадигма исследовала слово, т.е. применялся статический подход к языку в отличие от современного функционального. Однако нельзя полностью отрицать структурную парадигму. В русле данной парадигмы по-прежнему строятся учебники, пишутся различного рода справочные издания. Данные структурализма являются ценнейшим материалом для будущих поколений лингвистов. Также нельзя отвергать исследования в рамках эволюционной парадигмы. Многие языки еще недостаточно изучены в этом отношении. Более того, на современном этапе интерес филологов направлен на изучение древних текстов, что также связано с существенными разработками в сфере исторической парадигмы.

Итак, мы полагаем, что в языкознании нужно употреблять термин смена научной парадигмы с учетом особенностей данной науки, а именно ее полипарадигмальности. Термин «научная революция» не свойственен языкознанию в своем обычном значении. Парадигмы языкознания не отрицают одна другую, а, изменяя ракурс исследования объекта, строились путем учета исследований одной парадигмы другой. Тем самым можно говорить о «снятии» приоритетных направлений исследования, а не о полном отрицании предшествующей парадигмы. Важно помнить, что на современном этапе изучение языка происходит не с учетом одной доминирующей парадигмы, а с учетом всех трех парадигм изучения: эволюционной, структурной, функциональной. Видимо и впредь исследования в языкознании будут строиться на таком принципе.

Литература

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.

Зайцев А.К. Философия ведической цивилизации. Калуга, 2005.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С.3–16.

Сусов И.П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин. 1985. С. 3–12.

Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. Тверь, 1999.

Риторическая аргументация как логико-семантическая проблема

Ковалева Анастасия Олеговна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Риторическая аргументация – это теория убеждения аудитории в правильности точки зрения оратора на рассматриваемый им предмет. Она решает задачу обоснования мысли оратора, представляющейся, по тем или иным причинам, сомнительной для аудитории, и может быть использована как в риторике при создании ораторской речи, так и в юриспруденции, философской и научной литературе. Это новое направление гуманитарной науки, поэтому в его рамках в настоящее время существует мало исследований. Теория риторической аргументации разрабатывалась в середине XX в. бельгийским ученым Хаимом Перельманом. Его работа «Новая риторика», в которой он обосновывает необходимость системы ценностей, абстрагированных от человеческих эмоций, вышла в 1958 г.

В данной работе риторическая аргументация понимается как проблема логики и семантики и описывается с опорой на работу А.А. Волкова «Теория риторической аргументации» и работу И.М. Кобозевой «Лингвистическая семантика».

Центральное понятие теории аргументации – риторический аргумент, который представляет собой инструмент логического доказательства спорной мысли: «Аргументом ... мы будем называть фрагмент высказывания, содержащий обоснование мысли, приемлемость которой представляется сомнительной. Обосновать – значит свести сомнительную или спорную для аудитории мысль к приемлемой для нее» [Волков: 227].

Аргумент создается благодаря основному семантическому свойству слов – иметь помимо значения (т. е. прямого словарного толкования) определенный смысл или набор смыслов, существующих в сознании говорящего как некие коннотации: «Значение X-а – это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации. Смысл X-а для Y-а в T – это информация, связываемая с X-ом в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации» [Кобозева: 13]. На сближении комплексов смыслов, связанных с тем или иным понятием, выстраиваются семантические цепочки, становящиеся основой риторического аргумента. Такие цепочки образуют редукцию аргумента – его лексико-синтаксическое строение, образующее смысловое единство.

Задача логики – соединить или, наоборот, развести необходимые оратору смыслы рассматриваемого им понятия со смыслами других понятий, входящих в состав данной проблемы. Логический и семантический компоненты – своеобразные внутренние схемы ораторской речи. Вычленив их, можно определить задачи, которые поставил перед собой создатель речи. Определение этих компонентов является сущностью исследования риторической аргументации.

Таким способом строится аргументация в философском произведении В.С. Соловьева «Три разговора». Группа раторов, каждый из которых представляет свою точку зрения на обсуждаемую проблему, аргументирует ее, выступая перед остальными участниками дискуссии. Тема первого разговора – вопрос о целесообразности и справедливости войны, и, соответственно, о характере отношения общества к военным. В диалоге участвуют Князь, Политик, Генерал, Г-н Z, Дама. Например, Князь, ритор, придерживающийся концепции непротivления злу насилieм Л.Н. Толстого, при доказательстве сближает комплекс смыслов, связанных со значением понятия «война» с комплексами смыслов, связанных со значением понятия «безусловное зло»: «Вы сомневаетесь в том, что война и военщина – безусловное и крайнее зло, от которого человечество должно непременно и сейчас же избавиться?» [Соловьев: 27] Это умозаключение – энтимема, аргумент с опущенной первой (большей) посылкой, которая представлена как сама собой разумеющаяся. В развернутом виде аргумент выглядит так:

Человек должен избавляться от безусловного зла.

Война есть безусловное зло.

Следовательно, человек должен избавляться от войны.

«Человек» (логический субъект) и «война» (логический предикат) вступают в отношения через понятие «безусловное зло» (средний член). Значение «человек» в этом контексте, очевидно, наделяется такими смыслами, как «носитель человечности», «носитель нравственности». Эти смыслы закономерно становятся несовместимыми со смыслами, связанными с таким значением, как «война». Редукция аргумента: *человек* – (несовместимо с) *безусловное зло* – (которое есть) *война* – (несовместимо с) *человек* (*носитель нравственности*).

Анализ риторической аргументации необходим для исследования топики. Топ – общее место в системе ценностей той или иной культуры, не нуждающееся в доказательствах для носителей данной культуры. Таким образом, риторическая аргументация является инструментом создания систем ценностей. Ее анализ потребуется при исследовании различных риторических, юридических, философских, публицистических произведений. Кроме того, использование данного метода анализа словесного произведения полезно в современном мире, где все более и более возрастает роль информационных технологий, и, следовательно, необходимо представлять, как аргументируется та или иная точка зрения конкретного создателя публично значимого словесного произведения.

Литература

Волков А.А. Теория риторической аргументации. М., 2009.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2004.

Соловьев В.С. Три разговора. М., 2007.

Китайская традиция публичной речи

Козлова Анастасия Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Выдающийся русский лингвист и теоретик риторики Ю.В. Рождественский писал: «Классическая риторика сложилась в условиях первоначальной демократии – греческих полисов и Римской республики. На Востоке, в Индии и Китае, риторики классического средиземноморского типа не было. Но это не значит, что на Востоке не было теории речи» [Рождественский].

Действительно, и в Древнем, и в современном Китае не было риторики в нашем привычном понимании. Это скорее своеобразная речевая культура, представленная, главным образом, в письменных источниках. На такое положение дел влияли следующие факторы: отсутствие потребности общества в публичных ораторских выступлениях, сильные диалектные различия, стремление к языковой стандартизации по образцу классического столичного китайского. Изучению традиционной китайской литературы, философских школ, искусства каллиграфии уделялось намного больше внимания, чем совершенству в искусстве создания и произнесения речей.

Существует мнение, что в Китае сложно отделить риторику как самостоятельную дисциплину от философии, политики, этики. Несмотря на то что искусство красноречия не было выделено и изучаемо как отдельный курс в Поднебесной, китайская риторическая традиция восходит к текстам 3 века до н.э. [Xing: 3].

Китайская литература начала свое развитие намного раньше китайской риторики. Поэзия и проза, теоретическая база поэзии и прозы, стилистика языка, – все это впоследствии явилось прекрасной основой для развития красноречия. В VI в. Лиу Сье в первой части сочинения «Резной дракон изящной литературы» (*wenxindiaolong*) дал подробное описание тридцати четырех различных литературных жанров, существовавших в то время. Во второй части автор высказал свои идеи о том, как следует выражать свои

мысли. Его занимали вопросы гибкости изложения, выбора стиля, музыкальности речи, способов выражения эмоций. Лиу Сье дал определения следующим понятиям: параллелизм, метафора, аллегория, гипербола. Он также уделил внимание проблеме подбора слов и организации текста. Лиу Сье описал особый, восьмичастный способ построения текста — Багу (bagu), который и сейчас, по прошествии четырнадцати веков, используется в Китае при написании научных работ и докладов. Фактически это был первое учение о композиции и изобретении в пределах определенных жанров, аналог западных частных риторик.

Три философских направления оказали огромное влияние и на древний, и на современный Китай: буддизм, даосизм и конфуцианство. Именно появление различных направлений мысли и школ способствовало развитию красноречия в начальный период его развития. Переход от летописной традиции к философской, отражающей определенное мировоззрение, и положил начало возникновению публичной речи. Конфуцианству принадлежит разработка понятия «благородного мужа», основные черты которого — добродетельность и гуманность — являются фундаментом ключевой концепции этого учения – Жень(ren).

Даже после объединения Китая речевая деятельность в основном облекалась в письменную форму. С приходом к власти коммунистов и с началом Культурной революции устных речей стало относительно больше (т. к. весьма большая часть аудитории представляла собой малограмотных крестьян), но письменные жанры также получили свое развитие: лозунги, слоганы, дадзыбао (рукописная стенгазета, используемая для пропаганды или протеста).

В Западной традиции риторика – это преимущественно наука о публичных выступлениях и искусстве аргументации. На Востоке под риторикой понимают хісіхіе— стилистику, метод оттачивания фраз, элоквенцию. В отличие от западной риторики, восточная концентрируется на внутренней гармонии. Публичные выступления не одобряются, снижен интерес к логике в её западном понимании. Следует отметить, что на выбор языковых средств влияла и структура китайского общества. Китай долго время был иерархической системой, в которой люди ясно осознавали свой статус и статус других. Это и обусловило особенности языковых форм, используемых подчинёнными и начальниками в общении. В китайской письменной традиции нижестоящие по отношению к вышестоящим используют много опосредованных выражений, лишенных прямых заявлений. Самодержавный и иерархический характер китайского общества повлияли на язык, в то время как судебная греческая риторика была разработана в контексте равноправия и равной возможности ведения спора [Kirkpatrick: 271-295].

Китайская риторическая традиция прошла долгий путь развития. На становление красноречия как самостоятельной науки повлияли литература, философия, исторические и социальные процессы. Это своеобразная речевая культура, основными формами которой являются не устные публичные выступления, а письменные работы. Она отличается иносказательностью и вниманием к внутреннему совершенству и добродетельности оратора.

Литература

Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики: http://genhis.philol.msu.ru/article_274.html.

Kirkpatrick A. Chinese Rhetoric: Methods of Argument // *Multilingua*. 1995. № 14. P. 15-78.

Xing Lu. Rhetoric in Ancient China, Fifth to Third Century B.C.E. South Carolina, 1998.

Об образовании сложных синтаксических целых с посессивным значением в русском и английском языках

Короткова Александра Владимировна

Аспирантка Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Категория посессивности находит типологические соответствия во многих языках, потому представляет значительный интерес для учёных. Большое количество работ посвящено различным аспектам её изучения. Принимая во внимание исследования Б. Хайне, Х. Зейлера, А.В. Бондарко, К.Г. Чинчлей, О.Н. Селивёрстовой, М.В. Миловановой и др., можно было бы говорить о достаточной изученности способов выражения посессивности. Однако их рассмотрение не выходит за рамки предложения. Мы считаем, что посессивная категориальная ситуация может разворачиваться в масштабах сложного синтаксического целого (ССЦ). Под посессивной категориальной ситуацией, вслед за А.В. Бондарко, мы понимаем базирующуюся на семантической категории и поле посессивности типовую содержательную структуру, выражаемую различными средствами высказывания и представляющую собой тот аспект передаваемой высказыванием «общей ситуации», который раскрывает посессивные отношения [Бондарко: 99]. ССЦ мы рассматриваем как строевую единицу текста, представляющую собой группу высказываний, объединённых вокруг единого смыслового центра [Дымарский: 103].

Наше исследование выполнено на материале русского и английского языков. Системы их различны. Русский принадлежит к классу *esse*-языков, английский – *habeo*-. Следовательно, они могут использовать разные средства для выражения посессивных отношений. Вопрос заключается в том, образует ли совокупность этих языковых средств ССЦ с посессивным значением, и какой фактор является при этом определяющим.

Изучая текстовые фрагменты на русском и английском языках, мы отказались от использования англоязычного источника и русскоязычного перевода и, напротив, русскоязычного источника, англоязычного перевода, дабы ни один из них не имел преимуществ оригинала. Поэтому мы исследовали англо- и русскоязычные переводы произведений, написанных на третьем языке.

(1)

(1.1) – *Что делает чужеземец в наших краях? – спросил другой военачальник.*

(1.2) – *Он привез вашему племени деньги, – (1.3) ответил Алхимик и, прежде чем юноша успел сказать хоть слово, протянул его кошелек вождю.*

(1.4) *Тот принял золото молча – на него можно было купить много оружия.* (П. Коэльо. Алхимик. Перевод А. Богдановского)

(2)

(2.1) *“What is a foreigner doing here?” asked another of the men.*

(2.2) *“He has brought money to give to your tribe,” (2.3.) said the alchemist, before the boy could say a word. (2.4) And seizing the boy’s bag, the alchemist gave the gold coins to the chief.*

(2.5) *The Arab accepted them without a word. (2.6) There was enough there to buy a lot of weapons.* (P. Coelho. The Alchemist. Translated by Alan R. Clarke)

Проведём последовательное сравнение конструкций.

(1.2) – (2.2): одинаковые номинации посессора (*он, he*) и объекта посессии (*деньги, money*); потенциальный посессор определяется через эквивалентные атрибутивные синтагмы (*ваше племя, your tribe*). Различается способ репрезентации посессивного действия: в обоих случаях используется глагол с динамичным посессивным значением (*привезти, to bring*), но в (2.2) дополнительно задействован другой посессивный глагол (*to give*).

(1.3) – (2.3), (2.4): структурная неодинаковость (количество самостоятельных предложений, виды предложений) обуславливает содержательные различия. В примере (1) наличествуют два посессора: первый посессор (под которым совокупно понимается *Алхимик* и *юноша*, т.к. деньгами распоряжается первый, но формально они принадлежат

второму) и второй посессор (*вождь*) – представитель названной ранее группы (*ваше племя*). В примере (2) речь идёт о трёх посессорах: первый посессор (*boy*), принадлежность объекта которому передаётся атрибутивной конструкцией (*boy's bag*); промежуточный посессор (*alchemist*), на некоторое время завладевающий кошельком (*seizing the boy's bag*); второй посессор (*chief*), являющийся частью группы – потенциального посессора (*your tribe*). То есть в английском варианте предидируется переход объекта посессии от первого посессора к промежуточному, а затем ко второму, тогда как в русском – нет. Находим также различие в определении объекта посессии. В (2.3), (2.4) он представлен дважды: в первой дескрипции как «вместилище» (*bag*), во второй – как «содержимое» (*gold coins*). В (1.3) – только как «вместилище» (*кошелёк*).

(1.4) – (2.5), (2.6): При разнице конструкций (одно самостоятельное предложение – два предложения) общий передаваемый смысл сходен. Отличаются способы именования субъекта и объекта посессии: анафорическое местоимение (*mom*) и определение по признаку национальности (*Arab*); образованное метонимическим переносом наименование (*золото*) и анафорическое местоимение (*them*).

Проведённое сравнение показывает достаточно существенные различия в использовании языковых единиц и конструкций. Между тем, общий смысл ситуации остаётся неизменным: «переход денег от юноши (*boy*) к вождю (*chief*)». Следовательно, если изображаемая ситуация является посессивной на денотативном уровне, то, несмотря на различие средств и подходов к её репрезентации, в обоих языках организуется ССЦ с категориальным посессивным значением.

Изученный нами языковой материал показывает, что разнообразные посессивные языковые единицы могут использоваться в ССЦ при переводе на один язык, и не использоваться при переводе на другой. В большинстве случаев это свидетельствует о наличии иной категориальной ситуации, организующей ССЦ. То есть посессивные единицы используются как периферийные средства, помогающие воплотить ситуацию иного содержания, и могут быть заменены без ущерба для общего смысла.

Литература

Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб., 1999.

Вопрос о дифференциальных признаках смычных согласных в хеттском языке

Попова Ольга Витальевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Хеттский язык известен только по письменным памятникам, и изучение его фонемного состава основывается на изучении системы письма. Клинописная система письма, которой пользовались хетты, восходит к аккадской. Отображение смычных согласных на письме размыто.

В хеттском языке пропадает дифференциация по звонкости, и в хеттском письме знаки для звонких и глухих согласных начинают чередоваться. Существует большое количество несоответствий предполагаемого этимологией значения и значения знаков.

Открытый Э. Стертевантом [Sturtevant] закон звучит следующим образом: в хеттском языке смычные согласные, которые в праязыке были глухими, в интервокальной позиции передавались удвоенным написанием, а смычные согласные, которые в праязыке были звонкими и звонкими придыхательными, не удваивались.

Одним из спорных вопросов хеттской фонологии является вопрос о том, чем заменяется индоевропейская оппозиция по глухости / звонкости.

На этот счет существует несколько предположений:

1. Наиболее аргументированная точка зрения: хеттские взрывные согласные различались как сильные / слабые.

2. Хеттские взрывные согласные различались как долгие / краткие. Но вряд ли хетты могли ощущать, что глухие согласные дольше звонких, т. к. этот фонетический факт надо было установить экспериментально.

3. Хеттские взрывные согласные различались как придыхательные / непридыхательные [Гамкрелидзе]. Точка зрения, основанная на том, что в хеттской клинописи удвоенным написанием согласного передаются как рефлекс глухих взрывных согласных, так и рефлекс сочетаний взрывной + ларингал, которые в древнеиндийском дали придыхательные согласные.

Так же при передаче хеттских имен собственных в египетском неударенные взрывные передаются как глухие хетт. ^{SAL}Pu-du-hé-*pa* : егип. P-t-h-p; хетт. ^{URU}Hi-eš-ša-aš-ha-*pa* : егип. H-s-s-p, а др-инд. /k/ передается в хеттском письме неударенным написанием. Во-первых, это еще раз подтверждает, что в хеттском языке пропала дифференциация по глухости / звонкости, а во-вторых, тот факт, что неударенное написание передает древнеиндийский глухой и передается в египетском письме глухим, используется как аргумент, что дифференциальным признаком была придыхательность.

4. Хеттские взрывные согласные различались как напряженные / ненапряженные (что не исключает возможности различия по признаку придыхательности), и именно этот признак выражает удвоенное написание. С другой стороны, удвоенное и неударенное написание встречается для всех фонем, а фонологический признак напряженности могут иметь только смычные.

5. Хеттские взрывные согласные различались как глоттализированные / неглоттализированные [Иванов]. Это одно из предположений В.В. Иванова, который вообще считает, что о дифференциальных признаках смычных согласных в хеттском можно только делать предположения.

Характеристики сильные / слабые и придыхательные / непридыхательные (напряженные / ненапряженные) не являются взаимоисключающими.

Интересен тот факт, что перед энклитиками все написания удваиваются. Возможно, в позиции конца слова еще в общеанатолийский период, когда существовало противопоставление по глухости / звонкости (о чем свидетельствуют переходы *di > si, *ti > zi), произошло оглушение.

В позиции начала слова в лидийском и ликийском языках глухие и звонкие так же слились [Melchert]. Возможно, это происходило и в других анатолийских языках, в частности в хеттском языке.

Таким образом, рефлекс глухих и звонких согласных контрастировали только в позиции внутри слова, где их контраст передавался не всегда последовательным удвоенным и неударенным написанием.

Для некоторых отклонений от этого правила существует объяснение Х. Айхнера [Eichner] о том, что в позиции после ударного долгого гласного в общеанатолийский период происходило озвончение.

Литература

Sturtevant E.H. The development of the Stops in Hittite // JAOS 52. 1932. С. 1-12.

Гамкрелидзе Т.В. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке // Переднеазиатский сборник I. М., 1961, С. 212-291.

Иванов В.В. Хеттский язык. М., 2001.

Eichner H. Neue Wege im Lydischen I: Vokalnasalität vor Nasalkonsonanten. // KZ 99. Göttingen, 1986. P. 203-219.

Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam, 1994.

В защиту индоевропейского *b

Сергеева Ольга Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Фонологический статус индоевропейского *b вызывает оправданные сомнения, т. к. в наблюдаемых языках b, как правило, имеет вторичное происхождение; число же соответствий, свидетельствующих подлинно праиндоевропейское *b, ничтожно мало. Это обстоятельство в сочетании с некоторыми другими наблюдениями побуждает ряд исследователей к полному пересмотру праязыковой системы консонантизма [Семереньи: 161], [Sihler: 145]. Ясно, однако, что *b должно было быть противопоставлено *bh так же, как *d противопоставлено *dh и *g – *gh, какова бы ни была их фонетическая реальность. В самом деле, *bel-/*bol- «большой» противопоставлено *bhel- «светлый», *lei-b- «лить» (как в греч. leibo и лат. libare) – *leibh- «жить».

Было отмечено, что *b восстанавливается как таковое: 1) В именных (не глагольных) основах; 2) В каждом отдельном случае – только для ограниченного числа языков, как правило, географически соседствующих; 3) В формах, фонетически неточно соответствующих друг другу. [Sihler: 145].

Эти особенности могут являться приметам заимствований, что не исключено применительно к тем случаям, на основании которых сделаны приведенные выводы. Однако следует также отметить, что в числе индоевропейских распространителей корня, по-видимому, присутствует -*b-, ср. вышеприведенные leibo и libare наряду с лит. lieti, старослав. ЛИТИ; лат. la-m-bo и др.-англ. larian «лакать» наряду с рус. лакать (стар. локать); dheubh- «темный» (греч. typhlos) наряду с dheub- «глубокий» (гот. diups).

Даже если бы *b присутствовало только в звукоподражаниях (типа греч. bambaino, лит. bombeti, алб. bumbulit: «гремять» или «ворчать») и древнейших заимствованиях (типа «конопля»: греч. cannabis, др.-верх.-нем. hanaf, н.-перс. kanab), это само по себе не лишает его фонологической самостоятельности, ср. в этом отношении русское «ф».

*b могло быть в значительной степени утрачено праязыком в результате действия некоего фонетического закона. Для сравнения можно привести в пример падение индоевропейского *p в армянском и кельтских языках. Было также выдвинуто предположение, что *b могло совпасть с *w (и неслоговое) и / или с *m [Sihler: 146], в пользу чего имеются следующие косвенные доводы:

1) В праязыке избегались группы «сонант + сонант» в начальной позиции, но *wt, *wl представляют собой весьма частотное исключение из этого правила (группы «шумный + сонант» при этом широко распространены);

2) Для праязыка восстанавливается значительное число омонимичных корней на *w- (так, у [Pokorny] насчитывается 13 различных *weg- только без распространителей, 7 *wel- и по 2-3 несводимых друг к другу значения для некоторых других корней), что наводит на мысли о совпадении в этом *w нескольких различных прототипов;

3) Чередование *m / *w предполагают местоименные основы *me- / *we- (хотя о них ср. [Семереньи: 231-234]) и синонимичные аффиксы -*men- / -*wen-, но в действительности такое чередование в праязыке отсутствует, и это можно объяснить тем, что *m и *w произошли из общего прототипа, возможно, в различном фонетическом окружении, зависимость от которого была впоследствии затемнена аналогическим выравниванием.

Слабым местом этой гипотезы является в первую очередь фонетическая сторона вопроса, так как переход консонантного *b в *u неслоговое не имеет надежных типологических параллелей. Переход *b в *m, хотя свидетельств в его пользу меньше, с фонетической точки зрения более правдоподобен: ср. греч. sebas и semnos, erebos и egemnos, лат. summitto из sub-mitto. Для праиндоевропейского такой переход можно обосновать, если предположить, что он осуществлялся в формах с нулевой степенью апофонии (скажем, *bn > *mn), а затем получившееся *m аналогическим путем

распространилось и на прочие ступени. Возможно, переход *b > *w также удалось бы оправдать, если принять для него изначально позиционный характер и выявить правдоподобные промежуточные ступени.

Вывод: наличие *b в праиндоевропейском языке отрицать нельзя; хотя на данный момент однозначное объяснение его чрезвычайно низкой частотности в реконструируемых формах не найдено, но имеются наблюдения, разработка которых, возможно, позволит найти его в дальнейшем, оставаясь при этом в рамках традиционно восстанавливаемой системы индоевропейского консонантизма.

Литература

Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 2003.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 2002.

Pokorny, Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.

Sihler, Andrew L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.

Сопоставление использования хинди и английской лексики в индийском речевом этикете (на материале фильма «Taare zameen par»)

Соловьева Анна Андреевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Основной задачей данного исследования является изучение функционирования заимствований из английского языка в речевом этикете современного языка хинди и сопоставление английских этикетных формул вежливости с традиционными, принятыми в индийской культуре формулами.

Цель исследования – выявление закономерностей разного рода, согласно которым носитель языка хинди выбирает традиционную или заимствованную формулу обращения к собеседнику.

Под заимствованной лексикой мы имеем в виду, прежде всего, английскую лексику, хотя английский язык был не единственным источником заимствования в истории хинди. На этом этапе работы мы не включаем в исследование арабско-персидскую, португальскую и другую заимствованную лексику, хотя признаем значимость влияния указанных пластов заимствованной лексики на язык и культуру современного индийского общества.

В данном исследовании нам представляется необходимым рассмотреть культурную составляющую, которая во многом обуславливает выбор языка-источника заимствованной лексики, в ситуации общения между говорящими, родным языком которых является хинди. Влияние именно английской культуры на культуру Индии, как нам кажется, в частности отражено в заимствованных фразах вежливости. Определение степени этого влияния в перспективе является для нас одной из важнейших целей работы.

Материалом для исследования послужил фильм «Taarezameenpar» на языке хинди, где нашей задачей было проследить последовательное употребление заимствованных этикетных фраз и проанализировать ситуацию их употребления. Этикетные слова и выражения были выбраны нами по той причине, что в них наиболее ярко отражена тенденция проникновения заимствований. По нашему мнению, фильм представляется интересным полем для исследования. В нем в большом количестве присутствуют фразы вежливости, такие как приветствие, прощание, обращение, просьба, сожаление. В фильме можно также проследить проявление таких понятий, как контекст и конситуация [Земская], при употреблении формул речевого этикета [Формановская: 19], так или иначе определяющих выбор языковых средств общения. Безусловно, представляет интерес и то, что в фильме показаны взаимоотношения людей разных возрастных категорий, разного социального статуса, разного пола.

Распределение героев по социальным ролям обуславливает их речевую характеристику, и социальная роль того или иного героя проявляется в коммуникации с

другими героями. В данном фильме нами были выявлены следующие социальные роли, определенным образом противопоставленные друг другу: учитель / ученик; мать / ребенок; отец / ребенок; учитель / родители.

Выбор языка (английского или хинди), на котором произнесена та или иная фраза вежливости, зависит от социальной роли героя, при этом речевая характеристика носителя определенной социальной роли может в большей или меньшей степени изменяться в зависимости от языкового и социального окружения героя. Выявление центра и периферии речевого поведения определенной социальной роли на примере использования или не использования заимствований из английского языка также в дальнейшем будет являться одним из предметов нашего рассмотрения.

Мы проанализировали все случаи употребления фраз вежливости в фильме, и нам показалось целесообразным разделить все примеры в зависимости от коммуникативных намерений говорящего на контактоустанавливающую функцию и оценку.

Контактоустанавливающую функцию выполняют «Приветствие», «Прощание» и «Обращение». Задача контактоустанавливающей функции, как следует из ее названия, - оформление установления речевого контакта между коммуникантами («Приветствие»), а также это может быть прекращение общения («Прощание») и привлечение внимания собеседника («Обращение»).

В число оценочных функций мы включили «Одобрение», «Неодобрение», «Благодарность», «Сожаление и сочувствие». Все эти ситуации также оформляют коммуникацию, но в них, по нашему мнению, большую роль играет личностное начало, чем в ситуациях контактоустанавливающей функции.

Из всех проанализированных случаев можно сделать следующие выводы. Большинство фраз вежливости в ситуации общения говорящих на хинди могут быть сказаны ими по-английски. Выбор языка может зависеть от возраста говорящих, от их социального положения, от обстановки – официальной или бытовой.

В бытовом общении могут быть использованы выражения как на хинди, так и на английском, при учете того, что язык общения – хинди. Общение же в официальной обстановке накладывает свой отпечаток и на употребление фраз вежливости. В данном фильме мы проанализировали эпизод общения учителей с родителями, в котором подавляющая часть лексики – английская. Фразы вежливости в этом эпизоде тоже звучат по-английски (*I'm sorry, Mister*). В другой ситуации, когда между собой общаются взрослые незнакомые люди, весь разговор ведется на хинди, и вежливые выражения также почти целиком на хинди (*namaste, mujhe afsos hai*).

Английские эквиваленты хинди в ситуациях одобрения, неодобрения и побуждения к действию в бытовом общении имели большую эмоциональную окрашенность, в то время как выражения на хинди ее не имели или же имели, но в меньшей степени.

Это позволяет нам сделать вывод, что для носителя языка хинди имеет важное значение, на каком языке употреблять то или иное выражение формул вежливости — на хинди или на английском. Выбор языка ему подсказывает ситуация общения, возраст говорящего и его социальный статус, является ли этот человек знакомым или нет. Именно ситуация общения задает параметры использования говорящим на хинди того или иного языкового выражения формул вежливости.

Литература

Земская Е.А. Лексика разговорной речи: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/diff/zem_art01.htm.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методологический аспекты, М., 2008.

О моделях фоностилем якутской разговорной речи

Сорова Ирина Николаевна

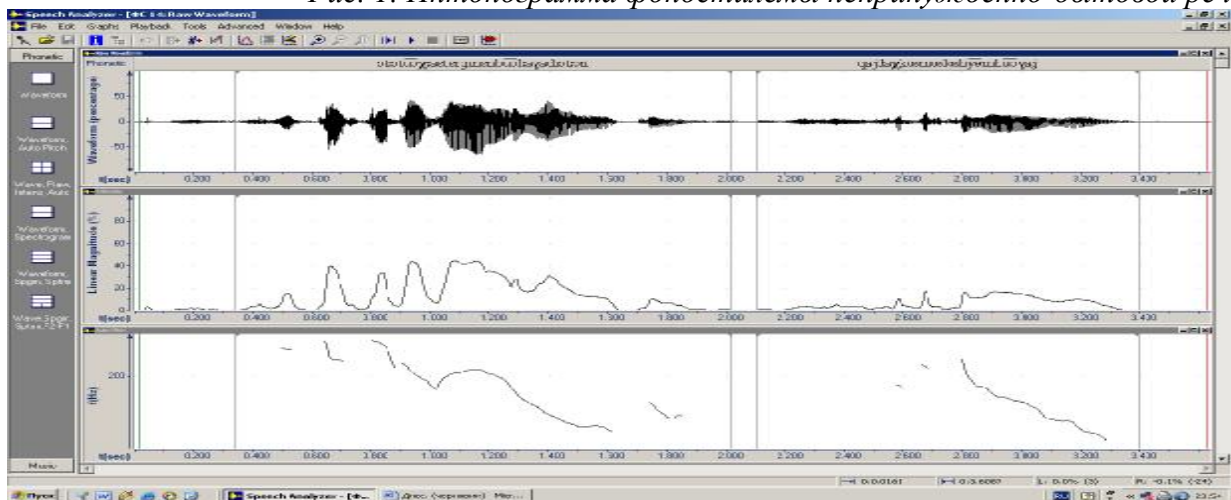
Аспирантка Якутского государственного университета им. М.К.Аммосова, Якутск, Россия

Определение соотношенности интонационных характеристик в жанровых структурах разговорной речи раскрывает природу фоностилистических реализаций и формирование конкретных фоностилем в диалогах. Согласно П. Леону, некоторые фоностилистические признаки могут выступать как варианты, другие – как единицы (фоностилемы). Под фоностилемами П. Леон понимает интонационное выражение эмоции в диалогической речи [Leon: 86].

В зависимости от объема информации диалог может быть и многокомпонентным, и малокомпонентным. В многокомпонентных диалогах наиболее эмоционально-экспрессивный участок сосредоточивается, в основном, в ответных репликах, что является следствием реакции на заданный вопрос или контрответ. В других случаях эмоционально окрашенный сегмент речи, выражая семантическое продолжение предшествующего высказывания, также становится показателем фоностилистической реализации. Так как содержание и локализация фоностилемы определяется темой диалогического единства, ее параметры выгодно отличаются контрастностью.

В типичных диалогических конструкциях фоностилемы занимают централизирующую роль, особенно в формировании интонационной реализации высказывания в диалоге. Наиболее ярко выраженный сегмент речи, будучи семантически спаянным с интонационной структурой, определяется как фоностилемный признак. Посредством анализа функциональных реализаций фраз в составе диалога, выявляются типичные фоностилемы непринужденно-бытовой, нейтрально-бытовой и официально-бытовой речи (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Интонограмма фоностилемы непринужденно-бытовой речи.

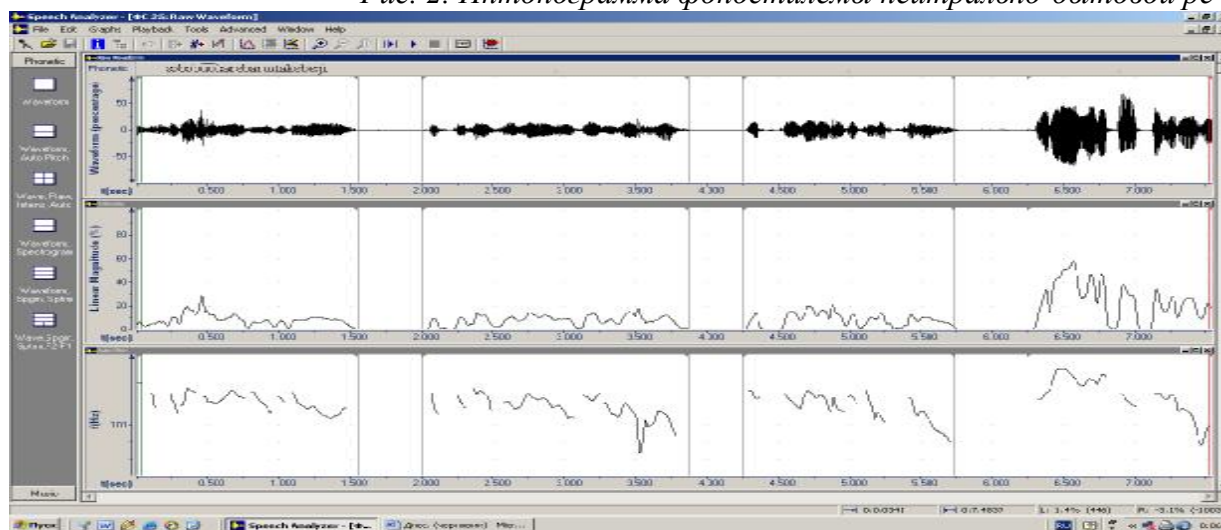

В непринужденно-бытовой, нейтрально-бытовой, официально-бытовой речи количественный признак является стабильным показателем реализации фоностилем. Каждая фраза имеет интонационные признаки в определенном срезе времени. Комплекс параметров, с помощью которого реализуется фраза, становится релевантным, если в составе диалога фоностилемный сегмент речи выделяется положительными, нейтральными и отрицательными показателями длительности (t), интенсивности (LM), частоты основного тона (Fo).

Учет фонетических изменений во фразе и сопоставление различительных показателей способствует построению не только общей интонационной картины, но и локализации, выраженности фоностилистических сегментов речи в их составе. Определяются наиболее типичные картины фоностилем, богато функционирующих в жанрах разговорной речи. Однако степень взаимокompенсации интонационных компонентов со структурно-семантическим полем выражения речевого сегмента

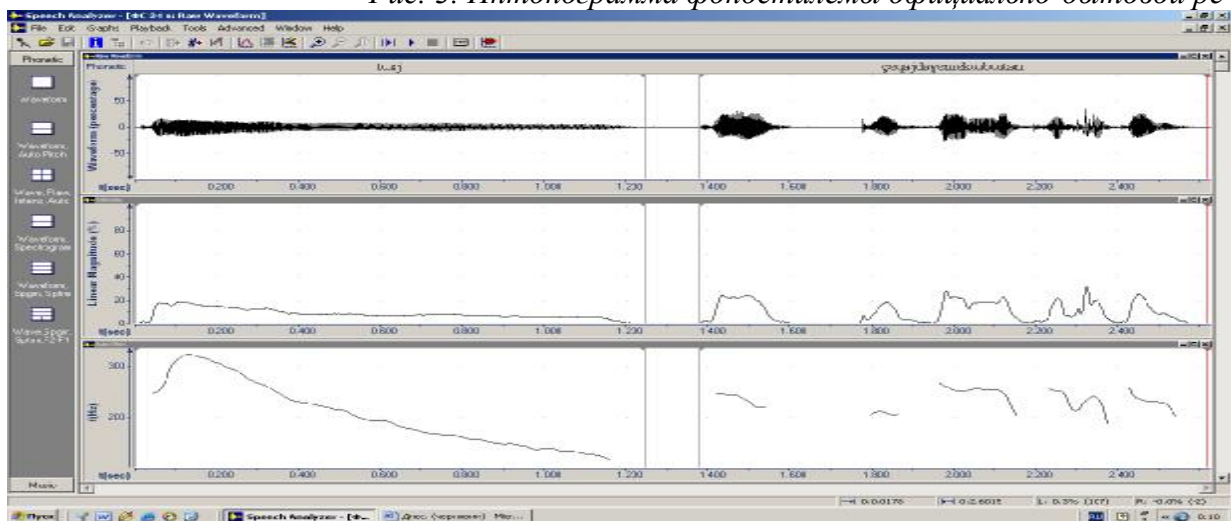
затрудняет замечание отличительных черт фоностилистических реализаций во фразе. Для идентифицирования относительных показателей речевых сегментов требуются сопоставительные маневры исследовательского характера.

Рис. 2. Интонограмма фоностилемы нейтрально-бытовой речи

В результате анализа фактического экспериментально-лингвистического материала по фоностилистике уточняется, помимо линейно произнесенных сегментов устной речи, комплекс отличительных черт произношения типовых разновидностей высказывания (вопрос – ответ – побуждение в реализации непринужденно-бытовой, нейтрально-бытовой и официально-бытовой речи). Каждая фоностилема характеризует степень семантико-интонационной насыщенности компонента диалога.

Рис. 3. Интонограмма фоностилемы официально-бытовой речи

Таким образом, фоностилема – это совокупность фонематических средств сегмента речи, содержащая отличительную структурно-семантическую и интонационную природу фразы в диалоге. По итогам анализа речевых сегментов (слог-слово-синтагма-фраза) получается не только четкое разграничение высказываний по жанрам речи, но и типологический характер интонационной структуры, содержащей фоностилему.

Литература

Leon P.-R. Essais de phonostylistique. Montreal; Paris; Bruxelles, 1971.

Лингвистические утопии в творчестве русских футуристов начала XX в.

Сулопарова Галина Дмитриевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В докладе рассматривается взаимодействие литературного жанра утопии и проблемы обновления поэтического языка в литературе начала XX в. На фоне широкого распространения утопических идей и проектов роль языка переосмысливается, что приводит к появлению большого количества *лингвистических утопий*, что было особенно характерно для творчества футуристов (В.В. Маяковский, А.Е. Крученых, Н. и Д. Бурлюки, В. Хлебников и др.).

С одной стороны, множество проектов разрабатывают практически неосуществимые идеи в речевой и литературной деятельности, как, например, попытка создания «числового языка» Р.О. Якобсоном или «вселенского языка» В. Хлебникова. Сюда же примыкают многочисленные манифесты футуристов и взгляды формалистов, декларирующих победу формы над содержанием. Как писал А.Е. Крученых: «До сих пор утверждали: “мысль диктует законы слову, а не наоборот”. Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский» [Терехина: 50].

С другой стороны, язык оказывается средством централизации в литературных утопиях того времени. Стремление к объединению и унификации, вообще свойственно утопическому мышлению. Очень часто это объединение распространяется не только на данную в непосредственном опыте реальность, но и на пространственно-временные характеристики. Это ярко проявилось, например, в творчестве В. Хлебникова, о котором Д.И. Выгодский писал следующее: «Чтобы понять Хлебникова <...> надо вместе с ним выйти за пределы не только грамматики и синтаксиса, но и логики и времени, и пространства» [Выгодский: 15].

Кроме того, лингвистические утопии оказываются и средством проникновения в другие реальности. Например, И. Сахно писала о том, что попытки футуристов открыть путь к «высшей интуиции» и познать мир не логическим путем напрямую связаны с взглядами философа Д. Успенского, который считал, что для постижения четвертого измерения необходимо разработать новый безглагольный язык [Сахно: 38].

Футуристическим манифестам было свойственно стремление к пересозданию мира посредством языка. Они также предлагали «расшатать грамматику синтаксис» для изображения «головокружительной современной жизни и еще более стремительной будущей» [Терехина: 51]. А. Крученых писал, что «...надо по новому сочетать слова и чем больше беспорядка мы внесем в построение предложений – тем лучше» [Там же: 51]

Так литературные манифесты футуристов и их поэтическая практика ставятся в широкий философско-литературный контекст начала XX в. для выявления основных доминант их творческих поисков. В работе доказывается, что лингвистические утопии оказываются одним из основных средств достижения многих творческих задач футуристов. В частности, они используются в демиургическом переустройстве мира, а также в проникновении в другие неэмпирические реальности и преодолении пространства и времени.

Литература

- Выгодский Д.И. Велимир I // Москва. 1922. № 6. С. 15-27.
Терехина В.Н., Зименков А.П. Русский футуризм. М., 1999.
Сахно С.С. Русский авангард. М., 1999.

**Из истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического
научно-исследовательского института им. С.М. Кирова (1927–1937)**

(по материалам редкого архивного фонда 1260

*Ставропольского государственного краевого архива и отдела редкой книги
Ставропольского государственного университета)*

Темирболатова Айшат Исмаиловна

Соискатель, Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

Население Кавказа является сложным в этническом и языковом отношении. Здесь живет свыше 50 народов, говорящих на языках трех лингвистических семей: иберийско-кавказской, индоевропейской и алтайской. Однако в последние годы ЮНЕСКО в обновленной версии атласа вымирающих языков определила языки народов Северного Кавказа исчезающими [<http://www.unesco.org>]. А ведь даже самые экзотические языки, на которых говорит ничтожно малое число людей, являются носителями коллективной памяти и нематериального культурного наследия. В связи со сложившейся ситуацией актуальной задачей в настоящее время является защита языкового и культурного многообразия народов данного региона.

До Октябрьской революции лишь немногие народы Северного Кавказа имели письменность, после революции ситуация изменилась. Огромный вклад в изучение культуры, истории, языков и литератур горских народов Северного Кавказа внес Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова (СКГНИИ). Работа института (1927–1937) была направлена на изучение языков и культур горцев.

СКГНИИ тесно сотрудничал с Институтом языка и мышления АН СССР, Институтом антропологии и этнографии АН СССР, Ленинградским Институтом востоковедения, Тбилисским институтом языка, истории и теории культуры, Ленинградским НИИ языкознания, НИИ Северного Кавказа. С историей института связаны имена таких известных ученых, как Н.Я. Марр, А.М. Дирр, И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой, Н.Ф. Яковлев, Б.А. Алборов, М.Я. Немировский, М.Н. Покровский, Л.И. Жирков, А. Генко, В.Ф. Миллер, М.К. Милых, Р.И. Шор, Н. Дмитриев, Г.П. Сердюченко, А.Т. Донецкая, В.И. Абаев и т.д.

Основная цель работы СКГНИИ заключалась в исследовании происхождения горских народов и их языков, сборе и анализе документов о национально-освободительной борьбе, Октябрьской революции, гражданской войне в национальных областях Северного Кавказа. Лингвистический отдел института занимался разработкой национальных алфавитов, проблемой становления и развития национальных литературных языков, изучением орфографий, диалектологии, составлением грамматик национальных языков и переводов литературы с русского на национальные языки Северного Кавказа. Институт организовывал научные экспедиции в горные районы Северного Кавказа с целью сбора языкового и фольклорного материала для создания целостной системы описания языков, обычаев и нравов народов Кавказа.

Институт был ликвидирован в 1937 году в связи с «реорганизацией Северокавказского края и образованием самостоятельных национальных административных единиц в регионе» [ГАСК. Ф.Р.-1260. Оп. 1. Д. 96. Л. 426]. К моменту ликвидации института сотрудниками было подготовлено около 200 рукописей, содержащих уникальные материалы о культурах и языках народов Северного Кавказа. После закрытия его библиотечный фонд был передан Ворошиловскому пединституту (ныне Ставропольскому государственному университету). Рукописи СКГНИИ хранятся в Ставропольском государственном краевом архиве. Лишь в 90-е гг. XX в. участники межкафедрального научно-методического семинара «Textus» в Ставропольском государственном университете под руководством профессора, доктора филологических наук К.Э. Штайн в процессе текстологической работы в Государственном архиве

Ставропольского края обнаружили и начали изучать эти уникальные документы и рукописи.

Работы научных сотрудников СКГНИИ дают сведения об истории изучения ими языков и диалектов Северного Кавказа. В лингвистическом отделе института более 20 рукописей по языкам кавказской семьи, 4 рукописи по языкам иранской группы, 10 рукописей по тюркским и монгольским языкам, более 10 рукописей, связанных с изучением литературы и культуры народов Кавказа.

Особенно ценными работами о кавказско-иберийских языках являются рукописи немецкого ученого А.М. Дирра, профессора библиотеки им. В.И. Ленина Л.И. Жиркова «Развитие частей речи в горских языках Дагестана», «Введение в изучение языков Кавказа», М.Я. Немировского «Лексикологические записки по горским яфетическим языкам Северного Кавказа», Р. Шор о «геминатах» в яфетических языках Дагестана, зав. лингвистическим отделом Г.П. Сердюченко «Об абазинской письменности» и методике перевода с русского языка на горские, Н.С. Трубецкого «Латеральные согласные в кавказских языках». По иранской группе языков наиболее значительными являются рукописные монографии профессора О. Егорова «О сложных словах в осетинском языке», В.И. Абаева «Трансформация согласных в осетинском языке», Б.А. Алборова об ирано-дигорских диалектах. По тюркологии выделяются работы В. Москалева и М. Милых, связанные с исследованием происхождения ногайского языка и заимствований в «тюрко-татарских» языках, рукописи А. Боровкова по исследованию карачаево-балкарского языка. Особый интерес вызывают комплект рукописей, выполненных арабской графикой, которые значатся в архиве как «неизвестные рукописи на неизвестных языках», языковые карты Северного Кавказа, материалы для национально-русских словарей и мн.др.

Достижения научно-исследовательской работы СКГНИИ, в общем, можно определить так: изучено происхождение практически всех горских народов Северного Кавказа, разработана история национальных республик, собран значительный материал по фольклору; составлены грамматики, хрестоматии и словари большинства языков Северного Кавказа и т.д.

Работы СКГНИИ являются теоретической основой для дальнейшей разработки проблемы изучения истории, культуры и языков народов Северного Кавказа.

Литература

ГАСК. Ф.Р.-1260. Оп. 1. Д. 96. Л. 426.

Метафорическое моделирование президентских выборов в США

Хакимова Алиса Рафитовна

Студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия

Система политических метафор, отображающая восприятие политической реальности в национальном сознании, проявляет гибкость и динамичность. Метафорическая картина мира способна отражать способ мышления, характерный для определенной политической ситуации. Жизнь современного общества наполнена политическими событиями, способными оказать существенное влияние на осмысление сферы политики и использование языковых ресурсов, привлекаемых участниками коммуникации, для репрезентации политической реальности.

Крупнейшие политические события способны послужить катализаторами для активизации отдельных метафорических моделей. Исследователи отмечают, что политическая реальность может быть представлена как «война», «игра», «механизм», «дорога», «живой организм», и т.п., делая вывод, что выявленные метафорические модели проявляют наибольшую активность в периоды обострения политической борьбы. Отражая изменение политической ситуации, политическая реальность определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели. Противостояние политических сил, критическое представление общественно- политической ситуации, конфронтационный характер политической борьбы манифестируются с помощью метафор с военной, криминальной и зооморфной источниковыми сферами.

Политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях [Демьянков: 118].

Общественное предназначение политического дискурса - внушить адресатам (гражданам сообщества) необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков: 127].

Коммуникативными особенностями политического дискурса являются институциональность, конвенциональность и публичность (официальность).

Теория метафорического моделирования - автономное направление в рамках когнитивной лингвистики, в основе которого лежит переход к глубинному знанию, базирующийся на изучении предметно-познавательной деятельности людей, процессов восприятия, мышления, репрезентированных и систематизированных определенным образом в нашем сознании (ментальных структурах). Отправной точкой в изучении концептуальной метафоры, стала монография Дж. Лакоффа и М. Джонсона "Metaphors we live by", изданная в 1980 году. Теория метафорического моделирования как направление когнитивной лингвистики активно разрабатывается российскими и зарубежными языковедами (А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, Ф. С. Кубрякова, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Т.В. Скребцова, А.П. Чудинов, G. Fauconnier, M. Johnson, G. Lakoff, M. Turner и др.).

В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики метафора определяется как когнитивный процесс, ментальная операция, формирующая новые понятия, без которой невозможна концептуализация бытия человека. Формальное описание процесса метафоризации может рассматриваться как перенос из одной области - сферы-источника в другую - сферу-мишень, т. е. происходит совмещение мыслительной сферы, содержащей хорошо знакомую информацию, с понятийной сферой, которую необходимо осмыслить. Онтологический перенос из одной концептуальной сферы в другую, объясняющий механизм действия процесса метафоризации, обусловлен системным характером соответствий и способен выявить не только личностные оценочно-интерпретационные свойства объектов окружающей действительности, но и накопленный исторический опыт, национально-культурную специфику языкового коллектива.

Метафорическая модель представляет собой комплекс параметров, включающих сферу-донор, реципиентную сферу, структуру, состоящую из фреймов и слотов, а также включает такие характеристики как продуктивность, частотность, прагматический потенциал.

Полноценное описание методики метафорического моделирования требует выявления основных функций метафоры в политическом дискурсе. Нам представляется целесообразным использовать классификацию функций политической метафоры, рассмотренную А.П. Чудиновым [Чудинов]. Выделяются такие функции метафоры, как когнитивная, номинативная, коммуникативная, прагматическая инструментальная, изобразительная, гипотетическая и эвфемистическая.

В процессе когнитивного исследования метафорических моделей президентских выборов в США, которые обнаруживаются в американском политическом дискурсе, было выявлено, что наиболее частотной и детально структурированной является модель «выборы президента - это война». Для текстов предвыборной агитации Соединенных Штатов характерна повышенная «насыщенность» военной метафорикой, что, отчасти обусловлено конкурентным характером политической культуры современного американского общества [Баталов].

Исследование метафорического моделирования важнейших политических событий представляется перспективным, т.к. позволяет систематизировать материал и описать соответствующий участок политической метафорической картины мира, с учетом общественно-политической ситуации, характеристик политических реалий, политологических

особенностей рассматриваемого явления и других дискурсивных факторов. Анализ наиболее продуктивных метафорических словоупотреблений в американском политическом дискурсе позволяет обнаружить актуализацию отдельных концептов и сфер-источников метафорической экспансии, востребованность тех или иных моделей применительно к отдельному политическому событию.

Литература

Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.